

Введение

Не являясь частью Запада, страны Центральной и Южной Америки вместе с тем тесно связаны со странами Старого Света (сами представляя значительную часть Нового) – прежде всего социокультурно, но также экономически и политически. Эта противоречивость – близость в единой увязке с весьма существенными отличиями – лежит и будет лежать в основе взаимоотношений Латинской Америки и стран, образующих Евро-Атлантическое сообщество.

Возникнув на обломках мощных и весьма развитых, но географически в значительной степени изолированных друг от друга индейских цивилизаций, единым территориально-политическим пространством Центральная и Южная Америка стала в период колонизации этих земель Испанией и Португалией (конец XV – первая четверть XIX в.). Вместе с тем именно в борьбе за независимость от метрополий в лице официальных Мадрида и Лиссабона сформировались основы современного типа национального государства в регионе. Из внешних игроков, пытавшихся обеспечить свое полноценное стратегическое проникновение в Центральную и Южную Америку, наиболее отчетливо выраженным было стремление США, начавшее проявляться с «доктрины Монро» (1823).

Данное положение осталось неизменным в условиях превращения Соединенных Штатов Америки в ключевой центр притяжения лагеря «западных демократий», оформившийся в Ев-

ро-Атлантическое сообщество. Оно, особенно после окончания холодной войны 1946 – конца 1980-х годов, расширялось в первой своей части (европейской), не затрагивая, однако, в принципе вторую (американскую). Иными словами, этот процесс не коснулся Центральной и Южной Америки, а постановка администрацией Д. Трампа вопроса о вступлении Бразилии в НАТО (2019) воспринималась скорее как исключение, лишь подтверждающее общее правило.

На первый взгляд это означало, что отношения европейских стран, особенно из числа «западных демократий», с игроками в Южной и Центральной Америке развивались «в тени» контактов последних с США. В определенной степени это действительно имело место, однако и влияние Старого Света на данную, весьма обширную часть Нового было отнюдь не нулевым. В частности, это выражалось в огромной по численности многоволновой миграции из Европы в Латинскую Америку в XIX–XX вв., притом в существенной мере уже не с территории Пиренейского полуострова: так возникли многочисленные немецкоязычные общины в Бразилии (порядка 12 млн человек по состоянию на 2010-е годы) и Аргентине (3 млн человек). Относительная легкость укоренения здесь поселенцев объяснялась близостью латиноамериканской и европейской культур: первая была производной от второй, но с сильным влиянием местных традиций, и в целом развивалась по пути дивергенции.

Последняя характеристика в еще большей мере относилась к сфере внешней политики: в годы холодной войны практически все страны Южной и Центральной Америки относились к «третьему миру», хотя ряд из них и проявлял интерес к продвинутому сотрудничеству с США и отчасти с их европейскими партнерами по НАТО, а Куба, напротив, стала органичной частью социалистического лагеря.

В 1990–2010-е годы развитие латиноамериканского региона характеризовалось бурной внутренней (внутрирегиональной) институционализацией – прежде всего в экономическом плане, в меньшей степени – политическом. К началу 2020-х годов Центральная и Южная Америка обладала не просто огромными людским по-

тенциалом (более 660 млн человек при менее чем 450 млн в странах – участницах ЕС) и запасами различных природных ресурсов, но и возможностью их эффективного использования. Прежде всего речь идет о способности ряда региональных игроков, особенно ведущих, к проведению реиндустриализации, что в современных реалиях становится не только ключевым измерением технико-технологической составляющей обеспечения суверенитета, но и средством решения многих нарастающих социальных проблем. Вкупе с наращиванием ресурсной базы региональных игроков рост их самосознания и в целом активности на мировой арене стимулируют повышение интереса к ним со стороны внешних акторов.

Современный этап мирополитического развития характеризуется развитием сразу двух параллельно (но отнюдь не синхронно) идущих конфронтаций холодных войн: между Евро-Атлантическим сообществом и РФ в первом случае, США с растущей группой их партнеров и КНР – во втором. Соответственно, для стран «коллективного» Запада при выстраивании ими систем «сдерживания» качественно новое значение приобретает вопрос обеспечения поддержки со стороны стран Центральной и Южной Америки. Иллюстрацией тому – повышенное внимание к Бразилии, особенно со стороны США и Великобритании, с целью обеспечить ее дистанцирование от партнеров по БРИКС и максимально тесно связать с Евро-Атлантическим сообществом. Оставаясь неизменной в своей основе, эта стратегия меняла формы: от предложения вступить в НАТО (при Д. Трампе) до приглашения Бразилии в качестве особого гостя на саммит «G7» в Великобритании (июнь 2021 г., уже при Дж. Байдене). Однако это не дало заметного результата: крупнейшая страна Южной Америки, как и многие другие региональные игроки (в частности, Аргентина), оказалась невосприимчива к приглашениям принять участие в усилении давления на КНР и РФ, особенно после начала ее специальной военной операции на Украине. В свою очередь, парадигма обеих холодных войн оказывала существенное влияние и на обстановку в ряде стран самой Латинской Америки, особенно столкнувшихся с кризисной ситуацией в развитии института государства, прежде

всего это проявилось на примерах Венесуэлы (особенно в 2017 и 2019 гг.) и отчасти Колумбии.

Заметное повышение стратегического интереса европейских стран – участниц НАТО и ЕС к Южной и Центральной Америке с безусловным сохранением этой тенденции на долгосрочную перспективу и стало основанием для выбора тематики данного номера журнала. Он подготовлен при ведущем участии известного отечественного исследователя-латиноамериканиста П.П. Яковлева. Номер представляет собой пример тесного сотрудничества группы авторов, особенно из ИНИОН РАН и ИЛА РАН.

Структура номера выстроена по проблемно-географическому принципу. В первой части выпуска в статье П.П. Яковлева показана общая система взаимоотношений двух макрорегионов: Европы (в географическом плане, т.е. включая Россию как полновесного континентального игрока) с Южной и Центральной Америкой. В.М. Тайар детально сосредоточилась на одном из ключевых направлений этой системы связей: диалоге ЕС с государствами и объединениями в Латинской Америке. Угроза, созданная глобальной пандемией COVID-19, и особенности противодействия ей с использованием потенциала национальных «военных машин» в сравнительном ключе для Старого и Нового Света рассматриваются в работе А.Н. Пятакова. В компаративном ключе для этих частей мира исследуется еще один такой острый социальный вызов, как необходимость пенсионной реформы (работа Э.Г. Ермольевой и Е.Е. Шестаковой).

Вторая часть номера представляет собой переход к стратегиям политики стран – участниц ЕС в Центральной и Южной Америке. Прежде всего речь идет о наиболее влиятельных из них – Франции (статья В.Н. Чернеги) и Германии (работа Ф.О. Трунова). Логично, что повышенное внимание уделено шагам государств – бывших метрополий, сохраняющих тесные социокультурные узы с латиноамериканскими игроками, – Португалии (исследование Н.М. Яковлевой) и Испании (статья К.А. Никулина). Интересен и противоположный географический подход: изучение взаимоотношений уже конкретных стран Центральной и Южной Америки с ЕС, осуществленное на примере Кубы (работа Н.В. Калашникова).

Особое место в номере занимает группа статей, посвященных взаимоотношениям России с акторами в Латинской Америке. Статья П.П. Яковлева раскрывает общие, особенно политические, контуры данной проблематики. В исследовании А.В. Кузнецова показаны особенности инвестирования РФ в перспективный с различных точек зрения регион, а в работе И.А. Чувывчкиной – специфика российского экспорта.

От редакции